

Публичное и приватное в репрезентациях позднесоветского гендерного порядка: по материалам биографических интервью с обладательницами трудовых наград и контент-анализа журнала «Работница»

Гендер как критерий дискриминации, неравенства является предметом не только многочисленных исследований в социальных науках, но и острых дискуссий в публичной сфере. Рассмотрение позднесоветского прошлого позволяет углубить понимание настоящего, так как именно в этом периоде происходили трансформации, заложившие основу нынешнему положению дел в гендерных отношениях: начиная от повседневных практик людей и заканчивая государственной политикой.

Интегративный структурно-конструктивистский подход, лежащий в основе исследования, позволяет рассмотреть, с одной стороны, то, как структуры

гендерных отношений формируются практиками людей, а с другой – как эти практики соотносятся с правилами структур. Вопрос о том, что представляли собой структуры и практики гендерного порядка в публичной и приватной сфере, и является ключевым в исследовании.

Классификация Р. Коннелла, положенная в основу теоретической рамки работы, концепции теоретиков публичной сферы, таких как Дж. Вайнтрауб, Ю. Хабермас, Н. Фрейзер и других, а также исследователей гендерных отношений в СССР, в том числе Е.А. Здравомысловой, А.А. Темкиной, Тартаковской И.Н., Г.Лapidус позволяют очертить предметную область исследования – вопросы труда и власти, их публичные и приватные аспекты в среде рабочих. Именно поэтому основными методами исследования являются контент-анализ журнала «Работница» и биографические интервью с женщинами обладательницами звания «Герой Социалистического труда» и полными кавалерами ордена Трудовой Славы.

Такой выбор эмпирической базы позволяет проследить отражение гендерного порядка, как на страницах официального СМИ (в публичной сфере), так и в приватной жизни обладательниц трудовых наград. Героини интервью не только являлись символической репрезентацией идеологических установок государственной политики, но и представляли собой олицетворение противоречий позднесоветского гендерного порядка, в том числе заключавшихся в трактовке баланса ролей матери и работницы.

Интервью проводились на базе организации «Трудовая доблесть России» с 6 женщинами – Героинями Социалистического Труда, а также, для сравнения, с 3 женщинами – полными кавалерами Ордена Трудовой Славы, работавшими в Москве на промышленных предприятиях в исследуемый период. Для проведения контент-анализа были выбраны 160 статей в третьих номерах журнала «Работница» с 1970 по 1985 гг. включительно (по 10 в каждом номере). Мартовские номера были использованы для анализа, исходя из предположения, что именно они в связи с Международным Женским днем, наиболее широко и полно освещают нормативные женские образы. На тех же основаниях были выбраны статьи биографического, событийного, аналитического характера.

Анализ области труда в публичной сфере позволил выделить несколько закономерностей. В первую очередь мы сталкиваемся с определенной «скрытой» дискриминацией в сфере оплачиваемой занятости. На страницах журнала проявляется гендерно обусловленное разделение труда: целые отрасли и отдельные виды работ, становятся «мужскими» или «женскими». Такая гендерно обусловленная вертикальная и горизонтальная сегрегация объясняется различиями физических или интеллектуальных возможностей и черт характера, которые приписываются людям разного пола и влияют на выбор стратегий профессиональной деятельности женщин.

Приватный труд, как часть позднесоветского гендерного порядка, в свою очередь, имеет ряд характерных черт. Во-первых, на женщин, несмотря на трудовую нагрузку вне семьи, возлагается основная ответственность за воспитание детей. В то же время роль отца может варьироваться от «отсутствующего», что означает практически полное не участие отцов в осуществлении родительских практик, до равнозначного партнера в воспитании, что, тем не менее, воспринимается как исключение из правил. При этом, разделение труда наблюдается как в характере родительских практик, так и в выполнении домашних обязанностей.

И наконец, что немаловажно, государство вмешивается в приватную сферу и выступает в роли агента помощи именно женщинам в выполнении их «материнских обязанностей» и ведении быта через свои учреждения: детские сады, ясли, пионерские лагеря, дома быта, часто связанные с местом работы. Женщины же при воспитании и уходе за детьми используют ресурсы не только государственных учреждений, но и расширенной семьи, что позволяет говорить о «коллективном» воспитании как распространенной практике изучаемого периода.

Функциональная взаимосвязь занятости в публичной сфере и в сфере частного труда женщин того периода отражалась не только в оплачиваемой занятости, но и в общественно-партийной деятельности. Если женщины и имели определенные полномочия на государственно-партийном уровне, то часто на страницах журнала речь идет о комитетах, занимающихся вопросами мира, детей или женщин. Если женщина представляется как борец, то, как правило, борется она за мир. Публичный характер такой борьбы на самом деле имеет «приватное» основание – защита матерью своего ребенка – это труд, приписываемый женщине.

Данные контент-анализа представляют женщину как обладающую властью в публичной сфере, будь то профессиональная деятельность или общественно-партийные посты. Ресурсы и возможности, которые возникали у женщин, становившихся субъектами власти, не только позволяли использовать их в своих интересах, но и при коллективной форме ответственности имели «отягчающее» значение дополнительной нагрузки.

Однако интервью позволяют говорить о том, что женщины имели определенную власть и в частной сфере, которая заключалась в контроле над семейными расходами, влиянием на принятие решений членов семьи. Тем не менее, такая власть опять же фактически являлась продолжением частного труда в качестве матери и «хозяйки дома».

Государство не только являлось агентом помощи для женщин в обеих перечисленных сферах, но и было главным субъектом власти, что проявлялось как в общественно-политической, профессионально-трудовой, так и в частной

сфере. Тело женщины представлялось полем власти, и его репродуктивные возможности использовались в интересах господствующей идеологии.

Итак, для рассмотрения публичного и частного аспектов в репрезентациях позднесоветского гендерного порядка в работе проведен контент-анализ официального СМИ, как примера официальной публичной сферы, и анализ серии биографических интервью с обладательницами трудовых наград, олицетворявших идеологически одобряемые практики существовавшего гендерного порядка. В ходе исследования мы выявили присутствующие элементы гендерного неравенства в структурных областях труда и власти как в частной, так и в публичной сфере.

Магистр социологии НИУ ВШЭ Маргарита Степина

Программа [«Социология публичной сферы и социальных коммуникаций»](#)

**МАГИСТЕРСКАЯ
ПРОГРАММА**

**СОЦИОЛОГИЯ
ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ
И СОЦИАЛЬНЫХ
КОММУНИКАЦИЙ**

